

УДК 902

ТАТАРСКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ОБЩИНЫ И МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМА СБОРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЛОГОВ

Р.М. Муллагалиев

В 1866 г. прекратило существование сословие государственных крестьян, на них было распространено «Общего положение о крестьянах» 1861 г., которое, в свою очередь, было составлено на основе «Положения о реформе государственной деревни» 1838 г. Поэтому и во взаимоотношениях с местной администрацией и в плане внутриобщинной жизни у крестьян серьезных изменений не произошло.

Сельская поземельная община являлась низшей административной единицей¹, на которую возлагались весьма ответственные обязанности, прежде всего — сбор налогов и выполнение повинностей ее членов. Решения, определявшие основные вопросы жизни и деятельности сельского общества, принимались на сельском сходе, который состоял из глав крестьянских хозяйств — членов настоящего сельского общества — и сельских должностных лиц².

По реформе 1838 г. полномочия сельского схода были крайне ограничены. Это выражалось, например, в том, что строго регламентировалось время его созыва. Закон допускал лишь собрание три раза в год, которое имело строго хозяйственно-фискальное значение. Так, первый раз собирались для раскладки податей, повинностей и сборов в начале года, во второй — весной для организации полевых работ и, в случае необходимости, принятия мер в отношении неплательщиков, за которыми остались долги по налогам и податям

за прошлый период, в третий раз — осенью, когда решались вопросы мирских потребностей, а также рассматривались меры в отношении должников. Кроме этих сроков для сбора сельского схода могли быть исключения, связанные с чрезвычайными ситуациями³.

В «Общем положении о крестьянах» 1861 г. уже отсутствует строгое ограничение времени для созыва сельского схода. Главным ответственным лицом на сельском сходе остается сельский староста, который избирался сходом на три года. Сход мог созываться по мере необходимости по инициативе сельского старосты преимущественно в воскресные и праздничные дни⁴.

Значение сельского схода было очень велико в жизни общины. Именно на сходе определялись порядок раскладки сборов, меры по взиманию и предупреждению накопления недоборов и недоимок, устанавливался порядок учета сборов⁵. Распределение налогов должно было осуществляться исходя из качества и количества земельных наделов крестьянских хозяйств. Общество могло использовать и другие критерии для определения доли, необходимой для внесения в качестве сбора⁶.

Персональную ответственность за сбор налогов нес сельский староста⁷. Сбор платежей мог возлагаться и на специального ответственного лица — сборщика податей, который следил за исправным внесением платежей. В случае, если отсутствовал отдельный сборщик податей, то вся ответствен-

ность ложилась на сельского старосту. Должность старосты и сборщика податей были выборными. Для сельского старосты срок службы определялся тремя годами, а для сборщика податей — одним годом. Обстоятельствами, заслуживающими уважения для отказа от должности, согласно законодательству, могли быть: возрастной ценз (старше 60 лет), болезнь или занятие этой должности один срок. Таким образом, службу выборных можно рассматривать как несение повинности. За общественную службу выборные пользовались определенными привилегиями: на время несения службы были освобождены от выполнения натуральных повинностей, телесного наказания. По решению общества им могло быть назначено жалование, размер которого был разным⁸. В Казанской губернии сельские старосты получали жалованье от 47 до 488 руб. в год, а сборщик податей от 50 до 485 руб.⁹

Действующее законодательство специально не регламентировало время внесения платежей. Сборы производились дважды в год, сроки которых определялись сельским сходом, с условием, что последний срок должен быть не позднее 1 декабря текущего года. Не собранные вовремя налоги рассматривались как «недоборы», и, если «недобор» не погашался до 1 февраля следующего года, то рассматривался как «недоимка». Если недоимка не превышала 5% оклада, то она могла быть причислена к окладу следующего года¹⁰.

Для обеспечения исправного поступления денежных сборов государственная власть возложила коллективную ответственность за поступление налогов на всех членов общины. В частности, это выражалось в том, что определение порядка сбора, учета, взимания сборов целиком находилось в компетенции сельского общества¹¹. Существовала уравнительная раскладка платежей и повинностей. При распределении общество должно было так же учитывать платежеспособность домохозяйств и принять необходимые меры для покры-

тия долгов¹². Принцип круговой поруки действовал в тех селениях или общинах, где душевой надел отведен на 60 или более ревизских душ¹³. Согласно свидетельству В. Даля, устаревшее слово соха или сошка имело «значение небольшой общины, от 3 до 60 дворов»¹⁴, которая так же «служила единицею подати; по расчету сох взимались и повинности»¹⁵. Надо полагать, что число в 60 ревизских душ или 60 хозяйств, будучи анахронизмом, продолжало служить неким мерилом издревле, что и отразилось в законодательстве XIX в.

С целью покрытия долгов по налогам община должна была принимать меры в отношении должников. Если сельский сход не собирался в течение недели, то меры применялись лично волостным старшиной или сельским старостой (и сборщиком податей). Для покрытия недоборов могли быть использованы поступления от сданных в аренду пашни, лугов и других земельных угодий или строений должника, мог быть изъят часть душевого надела. Так же существовала практика наложения ареста на заработок должника, причем под запрет попадали заработки женщин и малолетних, которые находились под защитой закона и заработанные ими средства не поступали в счет погашения долга. Закон так же защищал интересы работника у которого имелись семья и дети. Эта забота выражалась в том, что позволялось удерживать до 1/3 заработка холостого человека, и только 1/4 заработка человека, у которого имелись дети. Над должником мог быть назначен опекун.

Существовал вариант продажи части движимого имущества. С этой целью производились опись и оценка имущества. Однако в отношении некоторых предметов и доходов арест не распространялся, а именно: на страховое вознаграждение, продовольственную или семенную ссуду, пенсии; атрибуты богослужения; повседневную одежду и домашнюю утварь; топливо и продукты, необходимые для существования семьи в течении трех месяцев, единс-

твенную корову или выполнявшую роль кормильца козу или овцу, а так же корм, необходимый для их прокормления в течение трех месяцев; орудия земледелия, семенной фонд для посева. В случае, если принятые меры не позволяли погасить задолженность в срок, то недоимка должна была покрываться с «мирских» сумм, а при невозможности покрытия долга таким путем, сумма распределялась между всеми крестьянскими хозяйствами общины¹⁶. Таким образом, в конечном счете, за неплатежеспособного хозяина несла ответственность по закону вся община. Дальнейшие меры по пополнению недоимок принимались уже начальством более высокого ранга: податной инспектор привлекал мирового посредника или земского участкового начальника (с 1891 г.)¹⁷.

Согласно «Положению о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ» 1899 г., был изменен порядок погашения долгов по налогу. Правда, сохранялась статья 36, аналогичная статье 276 «Общего положения о крестьянах», определившей применение круговой поруки в отношении общин с 60 или более ревизскими душами, однако произошли определенные послабления в механизмах взимания долгов. Теперь для пополнения долга земля могла сдаваться в аренду сроком не более чем на три года, тогда как прежде подобного ограничения не было. Исчезло положение о покрытии долга за счет «мирских» сумм или путем раскладки на все хозяйства¹⁸, и, таким образом, теперь каждое хозяйство несло персональную ответственность за свои налоги, и привела к тому, что уменьшилось количество уклонений от уплаты сборов, если крестьянин действительно был платежеспособным¹⁹.

В законе от 23 июня 1899 г. констатировалось, что прежний порядок был «...тягостен для населения, ибо, не обеспечивая справедливого и соразмерного с платежными силами распределения податного бремени, допускает в некоторых случаях применение разорительных

приемов взыскания с плательщиков»²⁰. В действительности данное Положение лишь законодательно закрепило сложившуюся в общинах ситуацию. Дело в том, что применение круговой поруки уже к 80 г. XIX в. в большинстве общин перестала практиковаться²¹.

На практике встречались случаи применения круговой поруки. Например, в 1885 г. при взимании сборов крестьяне д. Нижняя Ошма применяли круговую поруку по решению сельского схода²². Результатом использования столь строгих мер стало то, что крестьянам нечего было сеять весной и пришлось просить продовольственную ссуду для обсеменения полей из губернского продовольственного капитала²³. Очевидно, что круговая порука была действительно мерой, приводившей к крайнему истощению целого крестьянского общества.

В XIX в. в России отсутствовал принцип прогрессивного налогообложения. Налог взимался не с дохода, а с податной единицы. Одним из главных источников государственных денежных поступлений долгое время являлась подушная подать, которая просуществовала более 150 лет, со времен введения в 1724 г. Петром I и до отмены в 1887 г.²⁴ В 1867 г. подушная подать составляла 44,3% всех налоговых поступлений государства. К концу XIX в. из всех налогоплательщиков основное бремя по платежам (86%) приходилось на крестьян²⁵.

В ходе земельной ревизии, согласно закону от 24 ноября 1866 г., каждому сельскому обществу отводилась земля, за которую крестьяне должны были платить оброчную подать, которая в 1887 г. была преобразована в выкупные платежи²⁶, ее уплата была очень обременительна для крестьянского хозяйства, т.к. на эту статью приходилось 45% всей общей суммы годовых платежей и налогов²⁷. Если же в пользовании крестьян находился лес, существовало обязательство уплаты лесного налога²⁸.

Подушную подать вплоть до упразднения в 1887 г. платили по сведениям

последней X ревизии 1858 г. В пореформенный период ревизии не производились²⁹. В архиве встречаются ходатайства волостных старшин о сложении налогов с умерших и переселившихся со своих сельских обществ ревизских душ. В частности, в 1872 г. в своем рапорте старшина Аркатовской волости Лаишевского уезда просил сложить начисленные недоимки в 184 руб. 82 коп. по причине выбывания жителей, среди которых значились рекруты, без вести отсутствовавшие, перечисленные к мещанам и умершие³⁰.

Следующие по своей значимости, с точки зрения государства, являлись земские налоги, которые с 1864 г. собирались уездными и губернскими земскими учреждениями.

Следующим видом налогов являлись «мирские» сборы, величина которых определялись на сельских сходах, собранные средства с которых были предназначены на нужды сельского общества³¹. В 1881 г. в Европейской России 45,3% мирских расходов использовались для оплаты труда должностных лиц³².

Во второй половине XIX в. проявилась тенденция ухудшения экономического положения крестьянских масс, наглядным подтверждением которых являются сведения о крестьянских недоимках. На денежные сборы уходило не менее 53,2% доходов крестьян³³. Фискальный гнет властей, с одной стороны, и неплатежеспособность крестьян, с другой стороны, создавали напряженность во взаимоотношениях сельских жителей с государством. Это выразилось, например, в отказе крестьян от составления общественных приговоров о раскладке налогов между членами общины. В частности, Баландышское сельское общество Мамадышского уезда отказалось составить приговор о раскладке казенных, земских и сельских сборов на 1896 г. К ответственности был привлечен крестьянин Мухаметзян Булатов, по мнению следствия именно он был главным активистом, подговаривавшим своих однообщественников

к отказу в составлении приговора³⁴, его действия были оценены как сопротивление властям³⁵. В ходе следствия было установлено, что отказ от составления приговора было коллективным решением крестьян, а не одного человека³⁶.

Другой причиной, которая нередко приводила к возникновению недоразумений в сельском обществе, явилась некорректные или непродуманные действия местных властей, ответственных за сбор налогов. Одной из причин являлось незнание представителями власти языков коренных народов, а татарскими крестьянами – русского языка, что усугубляло положение. Порой такие случаи приводили к неверному толкованию местными жителями предписаний представителей администрации. В д. Большие Янасалы Тетюшского уезда, например, по этой причине была сорвана процедура составления приговора по уплате казенных сборов на 1894 г. На сельском сходе волостной старшина стал требовать подписать общественный приговор, без предварительного разъяснения содержания документа. Крестьяне единогласно отказались выполнить его требование. Виновным в подговоре был признан 67 летний Ахмет Ахтямов, который по приговору суда был приговорен к тюремному заключению и лишению некоторых особых прав на 5 месяцев и 10 дней. Сторона обвинения утверждала о том, что для того, чтобы настроить своих односельчан не составлять приговор Ахтямов говорил, что государственная власть будет их крестить и соберет старые недоимки.

Однако имеется основание усомниться в справедливости решения суда. По словам стороны защиты обстоятельства сложились другим образом, именно: сельский староста Загидулла Насыйбуллин и мулла Зариф Галиакберов приготовили приговор, о передаче «общественного училища» мулле Галиакберову, нужно было лишь получить согласие общества. Требование уездного исправника о подписании приговора, крестьяне восприняли как попытку

оказать содействие мулле овладеть зданием конфессиональной школы³⁷.

90-е г. XIX в. характеризовались усилением вмешательства правительства во внутреннюю жизнь конфессиональных школ татар-мусульман. Согласно циркуляру министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г., в татарских школах могли быть использованы только учебники, прошедшие через проверку цензуры, что означало бы изъятие из учебного процесса огромного количества рукописных книг и ослабление системы национального образования³⁸. Поэтому события, произошедшие в д. Большие Янасалы были расценены крестьянами как очередная попытка местной администрации оказать воздействие на деятельность местной школы, вот почему, возможно, обвиняемый Ахтямов говорил о том, что жителей деревни будут крестить. В итоге, крестьяне боялись подписать любой документ, даже если это был документ о раскладке государственных налогов.

После земельной ревизии в 60-х г. была проведена ревизия лесных угодий крестьян, по итогам которого государственные крестьяне лишились 23% леса, которыми раньше пользовались. При распределении леса властями общинам отводились вместо леса кустарники³⁹. Между тем выплачиваемый ими налог, по мнению крестьян, превышал стоимость лесного материала, которыми они пользовались. Отказ платить лесной налог можно оценить как запоздалую реакцию крестьян на результаты распределения лесных угодий. С выставления лесного налога на выделенные им участки наблюдались неповиновения крестьян.

Крестьяне деревни Старая Амзя Чистопольского уезда, где проживало русское и татарское население, отказались в декабре 1874 г. платить лесной налог размером 61 руб. 84 коп., сославшись на то, что они отказываются принять отведенную им, согласно владенным записям, лесную дачу. Уездному исправнику удалось убедить русскую часть общества выплатить лесной налог, од-

нако татары продолжали упорствовать, объясняя свой отказ тем, что лесной надел неудобный, и они не желают им пользоваться. Вследствие своей юридической безграмотности крестьяне не воспользовались трехмесячным сроком для подачи апелляции на предъявленный им расчет о лесном налоге, и, таким образом, потеряли право обжалования начисленного налога через губернское по крестьянским делам присутствие, однако, не теряя надежды, собирали деньги и отправили своих поверенных для решения вопроса в своих интересах. По-мнению уездного исправника, крестьяне ради своей выгоды готовы поддерживать недоразумение⁴⁰.

Одним из способов взимания долгов было назначение процедуры описи и продажи с аукциона движимого имущества должника. В Чистопольском уезде в 1866 г. эта мера широко была применена по отношению к хозяйствам, за которыми накопились недоимки за последние два неурожайных года. По мнению председателя земской уездной управы, эта мера, даже в случае высокой урожайности в последующие годы, не даст крестьянам возможности поправить свое экономическое положение⁴¹.

По мнению земского начальника Тетюшского уезда (1895 г.), распродажа имущества не всегда эффективна, подобные действия приводят лишь к полному истощению крестьянских хозяйств. Кроме того, губительное влияние на крестьян оказывает взимание податей в конце зимы или весной, тогда как более эффективным являлась продажа имущества осенью. Боязнь распродажи в большей степени «стимулировала» крестьян к внесению сборов осенью, чем меры, предпринятые в сложное весеннее время⁴². По его мнению, можно обойтись без аукционов «при активном и настоятельном требовании со стороны полиции»⁴³.

Однако взимание долгов с крестьян редко происходило согласно букве закона. Об этом, в частности, свидетельствует прошение татарских крестьян

Ключищенской волости Лаишевского уезда. Жители деревень Большие и Верхние Метески, Трюк Тямти, Кукчи, Балыкли указывали на то, что при взимании долгов за налоги 1866, 1867 гг. местное начальство в 1868 г. забирало все, что попадало в глаза, вплоть до последней одежды и последнего рабочего скота. Подобные действия для крестьян оказались полной неожиданностью, им даже не предоставили отсрочку. Крестьяне не представляли, как они в следующем году будут платить налоги и выполнять повинности, и как вообще найдут пропитание своим семействам, ведь некоторые хозяйства вообще остались без средств к существованию до нового урожая⁴⁴. Здесь налицо нарушение статьи 295 «Общего положения о крестьянах», согласно которой, существовал запрет на отчуждение в пользу уплаты долгов в отношении ежедневной одежды; скотины, обеспечивающей пропитание и существование крестьянского хозяйства; продовольствия, необходимого на пропитание в течение трех месяцев и семян для посева.

Подобные факты встречаются часто, что позволяет сделать вывод о том, что подобные действия местных властей были повсеместными. Например, администрация Тетюшского уезда продавала имущество должников без всякой описи для погашения казенных недоимок, образовавшихся до 1 января 1885 г. В то же время чиновники отправляли отчеты об успешности уплаты казенных недоимок, так что налоги, которые продолжали поступать в текущем году, после покрытия всех долгов зачислялись в оклад следующего 1886 г.⁴⁵ Следствием этих мер в ряде волостей Чистопольского, Тетюшского, Свияжского уездов крестьянский скот продавали с торгов, вследствие чего хозяйства оставались без лошадей и пришли к полному разорению⁴⁶.

В начале 1873 г. в Казанском уезде в отношении к должникам по указанию мирового посредника недоимки взыскивали через продажу части «излишнего их имущества»⁴⁷, лишь задолжен-

ность крестьян, у которых не оказалось никакого имущества, распределялось на все общество⁴⁸.

Среди крестьян существовала вера в справедливого царя. По случаю коронации или бракосочетания каждый новый представитель дома Романовых издавал манифест, в котором предоставлял подданным определенные льготы, в том числе освобождал их от уплаты некоторых налогов. Согласно манифесту от 14 ноября 1894 года по случаю бракосочетания Николая II с Александрой Федоровной, прощалась часть долгов по продовольственной ссуде⁴⁹. Однако в манифесте не говорилось о сложении задолженности по государственным налогам. В Тетюшском уезде осенью 1894 г. недоимки стали пополняться при «содействии» станового пристава, т.к. крестьяне оказывали «крайнее упорство» и словесные доводы оказались бессильными. С января 1895 г. становой пристав совместно со сборщиками податей стали действовать более решительно. Распространенной мерой воздействия, кроме распродажи движимого имущества, была передача части душевых наделов недоимщиков другим лицам. Успешность его усилий была не столь высока, по причине обширности стана и физической невозможности лично участвовать в сборах недоимок. Между тем среди крестьян распространились слухи о упразднении долгов, что так негативно сказалось на своевременное поступление сборов⁵⁰. Ожидания крестьян на милость была связана с предстоящей коронацией Николая II.

В силу слабой развитости промышленности и дефицита предложения на рынке наемного труда жители Казанской губернии всецело зависли от земледелия. Поэтому положение крестьян резко ухудшалось в неурожайные годы, что сказывалось в поступлении налогов. Например, в неурожайном 1891 г. поступило лишь 7,7% казенных сборов, в последующем 1892 г. — 36,68%. Однако увеличение поступления платежей в последующие годы не были

свидетельством роста народного благосостояния⁵¹.

Причиной отказа платить налоги со стороны крестьян была экономическая слабость крестьянских хозяйств, а не стремление уклониться от налогового бремени. Принимаемые меры воздействия в отношении неплательщиков не могли служить выходом из тяжелого положения.

Накопление долгов были связаны разного рода обстоятельствами, которые приводили к расстройству крестьянское хозяйство, такие как пожары, неурожайные годы. В годы бедствий крестьяне просили отсрочить платежи или же шли на крайние меры: распродавали скот, хлеб. Например, в своем прошении казанскому губернатору в 1867 г. жители 16 селений Едигерской волости Мамадышского уезда просили «...защиты, покровительства и даже спасения от самой смерти...»⁵². Причиной своего тяжелого положения крестьяне объясняли малоземельем. Средний душевой надел составлял 3–4 десятины, что было крайне мало для ведения полноценного хозяйства⁵³. Урожай 1866 г., по словам крестьян, был «порядочный», продав который они покрыли прошлые недоимки, оставшись «...совершенно без хлеба и пропитания...»⁵⁴. Но в 1867 г. урожай ржи был настолько мал, что не хватило даже на посев, и пришлось продавать последнюю скотину, или одалживать деньги на покупку семян у богатых односельчан⁵⁵.

Когда не было семян для ближайшего засева крестьяне одоуживали их у государства, земских учреждений или частных лиц. Образовывались продовольственные долги. Так, в Казанском уезде по просьбе населения в 1868–1869 гг. распоряжениями уездной и губернской земской управы были предоставлены некоторым хозяйствам денежные ссуды из губернского продовольственного капитала на обсеменение полей. Эти средства, в сумме 2 736 руб. 72 коп. не были возвращены до 1872 г.⁵⁶

При описи имущества для возврата ссуды возникали конфликты между крестьянами и администрацией. Так, например, в деревне Карашурма Мамадышского уезда крестьяне оказали сопротивление помощнику волостной старшины Тохватуллину, который приступил к описи имущества крестьянина Халитова. Притом сельские власти отказались назвать активистов сопротивления⁵⁷.

Долги порой начислялись из-за бюрократических проволочек. Согласно сведениям Тетюшского волостного казначейства (1875 г.), государственная подушная подать, представляемая волостным правлением, не зачислялась в уездный земский сбор даже тогда, когда сумма поступала в полном объеме⁵⁸. В Казанской уездной земской управе, вследствие отсутствия единых стандартов, счетоводство велось каждым учреждением по-разному, что приводило, в конечном счете, к серьезным недоразумениям и неправильному начислению суммы остатков налогов⁵⁹.

Согласно сведениям Казанской казенной палаты, даже когда крестьяне продавали массово хлеб, не всегда вносили платежи. Так, например, в сентябре 1892 г. в Тетюшский базар на продажу поступило 50 тыс. пудов хлеба, но значительная часть вырученных денег бала «растрочена», и, по мнению управления казенной палаты, упущено время для сравнительно легкого взыскания сборов. Вырученные от продажи хлеба деньги крестьяне тратили на восстановление хозяйства, которое пришло в упадок вследствие неурожайного 1891 г. и фискальной политики властей. Для того, чтобы уплатить налоги крестьяне закладывали последнюю одежду, скот. Заложное имущество выкупалось при первой же возможности⁶⁰. Для многих крестьян продажа хлеба была одним из способов добыть деньги на разные нужды, в том числе и на оплату сборов. Массовая продажа осенью крестьянами хлеба приводила к снижению его рыночной стоимости. Потому

как весной приходилось покупать хлеб на хозяйственные и продовольственные нужды, но уже за значительно более высокую цену⁶¹. Во время закупки хлеба купцы пользовались тяжелым положением крестьян, искусственно занижая цену. Так случилось, например, в Спасском уезде, в 1885 г. скупщики после принятия около пяти пудов хлеба объявляли о том, что остальной хлеб не станут принимать по прежней цене и стали предлагать более низкую цену. Крестьянам не оставалось иного выхода, как согласиться с новыми условиями, в противном случае пришлось бы терпеть еще больше убытков, т.к. не было надежды на то, что поступит более выгодное предложение или иным способом удастся сбыть хлеб по приемлемой цене⁶².

В надежде на улучшение материального положения крестьяне уходили на сторонние заработки. Но и подобные меры не всегда могли обеспечить людей средствами для существования. Так, в 1874 г. для жителей Мамадышского уезда Омарской волости стало неприятной неожиданностью известие о том, что у судовладельцев, к которым крестьяне ранее нанимались бурлаками, по какой-то причине не оказалось нужды в рабочей силе⁶³. Некоторые крестьяне почти в полном составе оставляли места своего жительство для того, чтобы иметь возможность заработать на стороне. Например, в 1872 г. большая часть жителей деревни Нижняя Каменка, продав свои дома, скот и имущество ушли на заработки. Оставшиеся дома женщины и дети жили в нищете в одной избе по два, три семейства⁶⁴.

В условиях крайней нужды в деньгах общества прибегали даже к услугам ростовщиков. Ростовщичество, как известно, запрещено исламом, однако при сложившейся ситуации крестьяне были вынуждены пойти на нарушение заветов религии. Так случилось в деревне Большие Кляри Тетюшского уезда в 1882 г., когда крестьяне составили приговор о сдаче в наем некому

казанскому купцу 180 дес. лугов. В действительности никакого найма лугов не было, за приговором об аренде скрывалась кредитная операция. Купец одновременно выдал крестьянам 1 140 руб., а крестьяне обязались в течение четырех лет вместо вырученных 1 140 руб. уплатить кредитору 3 420 руб., т.е. в три раза больше⁶⁵. Деньги же эти нужны были для «уплаты податей и других общественных долгов»⁶⁶. Такие примеры, по свидетельству членов губернского земского собрания, были не единичны, они повторялись в 1885 г., когда в феврале, марте крестьянам срочно были нужны деньги на уплату недоимок⁶⁷. Крестьяне шли на подобные крайности по причине давления администрации.

За неисправный сбор налогов и накопление продовольственных долгов несли ответственность волостные и сельские начальники, которые, по мнению Казанской уездной земской управы (1872 г.), бездействовали даже в урожайные годы, когда были все возможности для пополнения недоимки⁶⁸. Согласно свидетельству земского начальника второго участка Тетюшского уезда, среди недоимщиков были также и сами волостные и сельские должностные лица, которые личным примером не могли влиять на других крестьян с целью обеспечения исправного внесения налогов⁶⁹.

В целом, среди должников в Казанском уезде в 1892 г. (в 1891 г. выдался неурожайным) встречались и весьма не бедные люди, такие, как гильдейские торговцы, разного рода дельцы и даже сами сборщики податей, волостные старшины, судьи. В Тетюшском уезде оставались долги по окладам до 1889 г., и за каждый год имелся отдельный сборщик податей, каждый собирал недоимки, оставшиеся за время своей службы в качестве сборщика податей⁷⁰.

В качестве наказания вышестоящими чиновниками применялись различные меры в отношении выборных, которые не справлялись возложенными на них фискальными обязанностями.

Так, например в Мамадышском уезде в 1875 г. исправник предлагал уволить сельских старост и волостных старшин, которые оказывали «вялость» и «потворство», заменить их другими лицами⁷¹.

При сборе налогов и покрытии недоимок, кроме сельского старосты и волостного старшины, имело особую важность наличие порядочного и честного сборщика податей. Мамадышский уездный исправник (1874 г.) сообщал, что в уезде отсутствует система контроля и отчета за внесением платежей, тогда как даже нет платежных книжек, и поэтому крестьяне просто доверяли свои деньги сборщикам, не получая никакого официального документа, подтверждающий то, что платеж был внесен⁷².

В случае недобросовестности сборщика страдало целое общество. Подтверждением этому может послужить пример Каймановской волости Казанского уезда, где причиной накопления недоимок на сумму в 7 508 руб. стала нечестность сборщика податей, который умер, а ответственность за уплату недоимки была возложена на все общество⁷³. В 1872 г. в Кошелевской волости Цивильского уезда обнаружили факт растраты денег волостным старшиной и сборщиком податей на сумму в 1 283 руб. 80 коп. По мнению уездного исправника, за давностью лет и неимением сведений по этому делу, недостающую сумму следует разложить на всю волость⁷⁴.

Поэтому общины были заинтересованы в том, чтобы сборщиками податей были избраны порядочные крестьяне. Так, например, жители общества Больших Бакырчи Тетюшского уезда заподозрили своего сборщика податей в нечестности. По показаниям крестьян взносы по налогам сборщик записывал карандашом, а не чернилами и после вносил изменения, тем самым вводил в заблуждение своих однообщественников. Однако суд посчитал, что обвинения в адрес сборщика являются безосновательными⁷⁵.

В деревне Казылино Казанского уезда 19 января 1894 г. на сельском сходе в присутствии действующего сельского старосты и земского начальника крестьяне потребовали с бывшего сельского старосты и бывшего сборщика податей возместить выявленные при проверке недостающие деньги, растраченные упомянутыми лицами. Однако ни один из обвиняемых не признал свою вину. Дело о растрате дошло до окружного суда, где удалось доказать их преступление. Они были приговорены к заключению в тюрьму на два месяца. Однако суд нашел, что преступление совершено по причине «...легкомыслия или же слабоумия, глупости и крайнему невежеству...»⁷⁶, что послужило смягчающим обстоятельством. В отношении обвиняемых применили ст. 354 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», по которому предписывалось вернуть растраченные средства⁷⁷.

Кроме названных способов взимания недоимок, существовала так же практика, когда уплата денег за продажу земли вносилась в счет покрытия недоимок, так как недоимщик не имел другой возможности покрыть свой долг. Например, в 1887 г. крестьянин деревни Новые Салман Спасского уезда Галиев продал свою землю Петру Савинову. По условиям договора последний должен был внести сумму за купленную им землю в счет погашения задолженности по налогам, числящейся за Галиевым, но вместо этого отдал деньги лично Галиеву. За нарушение условий договора община продала землю Галиева третьему лицу⁷⁸. Подобный этому случай наблюдался и в деревне Новые Салманы, когда в том же 1887 г. крестьянином Губеевым аналогичный договор был заключен с Антипом Бурговым. Когда Бургов перестал платить обществу необходимую сумму, его не раз вызывали на сельский сход. Наконец, не найдя другого выхода, общество продало надел Губеева третьему лицу⁷⁹. Здесь мы видим соблюдение принципа, изложенного в приложении к ст. 6. «Об-

щего положения о крестьянах»⁸⁰: если у крестьянина имеются долги перед государством и кредитором, то долг уплачивается сначала перед государством, только потом защищаются интересы кредитора.

Особенно тяжелыми для крестьянских хозяйств Казанской губернии были последствия неурожайных годов (1867, 1877, 1883, 1891, 1898 гг.). В такие годы крестьяне обращались за помощью к земствам, правительству за продовольственными или семенными ссудами или с просьбой о предоставлении отсрочки по уплате налогов⁸¹. В частности, усиленные действия по сбору недоимок в 1884–1885 г. в Лаишевском, Чистопольском, Спасском и Мамадышском уездах привели к тому, что крестьяне обращались за ссудой на продовольствие или на обсеменение полей⁸². Таким образом, государство, с одной стороны собирало с крестьян налоги, применяя жестокие меры принуждения, нарушая их права, и, с другой стороны, выдавало тем же крестьянам ссуды, которую крестьяне обязаны были вернуть.

Порядок взимания налогов со своих подданных определялся «Общим Положением о крестьянах», согласно которому, обязательства по взиманию налогов были закреплены за поземельной крестьянской общиной. Лишь в соответствии с законом от 23 июня 1899 г. ответственность по выплате налогов стало нести каждое крестьянское хозяйство по отдельности. Этот закон можно рассмотреть как смена курса правительства, которое перестало рассматривать круговую поруку в качестве основного средства взимания накопившихся долгов.

Непосредственную ответственность за сбор налогов в крестьянской общине нес сельский староста. Так же часть ответственности по сбору налогов староста, совместно с сельским обществом, могли доверить особому должностному лицу — сборщику податей. И на практи-

ке от честности упомянутых лиц порой зависело благосостояние целых общин и даже волостей.

Как видно из рассмотренных примеров, татарские крестьянские общины в определенных случаях даже принуждали местных жителей к уплате недоимков. Крестьяне вынуждены были всевозможными путями добывать средства для оплаты налогов и избегать накопления недоимков, о чем свидетельствуют факты закладывания крестьянами последнего имущества для получения денег в пользу взноса налогов, а также факты составления кредитных обязательств, поступаясь своими религиозными воззрениями. Хотя государством и регулировались отдельные аспекты взимания налогов и крестьянам гарантировалось неприкосновенность части имущества, которое должно было обеспечить пропитание и самостоятельное существование в течение трех месяцев, однако в действительности эти положения не соблюдались местными властями, в результате чего крестьяне лишались своих законных прав и оставались без последнего имущества.

Особенно тяжело на крестьянском хозяйстве отражались меры по распродаже их имущества в счет погашения долгов и применения коллективной ответственности за недоимки перед всей общиной.

Некорректные действия представителей власти приводили к взаимным недоразумениям, что трактовалось как неповиновение со стороны податного населения.

Государство, проявляя заботу о своих подданных, предоставляло отсрочки по платежам или определенную помощь в виде продовольственной или семенной ссуды. Послабления в отношении фискальной политики со стороны государства следовали в основном в особо трудные, неурожайные годы, в годы восшествия на престол нового главы государства или по случаю бракосочетания монарха.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. — М., 1958. Т. II. Ст. 562, 563.
- ² Общее положение о крестьянах. Изд. 1902 г. // Свод законов Российской Империи. Т. IX. Положение о сельском состоянии. Ст. 57
- ³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 13. Отд. 1. №11189. Ч. 4. Ст. 21.
- ⁴ Общее положение о крестьянах. Изд. 1902 г. // Свод законов Российской Империи. Т. IX. Положение о сельском состоянии. Ст. 59, 60.
- ⁵ Там же. Ст. 62, 230.
- ⁶ Там же. Ст. 254, 282.
- ⁷ Там же. Ст. 74, 231.
- ⁸ Там же. Ст. 74, 82, 231, 180, 186, 189, 195, 187.
- ⁹ Марискин О. И. Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья): Дисс. канд. ист. наук. — Саранск. 2004. — С. 107.
- ¹⁰ Там же. Ст. 281, 282, 311, 314.
- ¹¹ Там же. Ст. 230, 235, 256.
- ¹² Там же. Ст. 251, 253, 256.
- ¹³ Там же. Ст. 276
- ¹⁴ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. IV. СПб. — М. 1882. — С. 283.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Общее положение о крестьянах. Ст. 288 — 301, 304, 306, 309.
- ¹⁷ Там же. Ст. 313.
- ¹⁸ ПСЗРИ. №17286. Ст. 65, 67.
- ¹⁹ Марискин О. И. Указ. соч. С. 129.
- ²⁰ ПСЗРИ. 17286.
- ²¹ Шатковская Т. В. Закон и обычай в правовом быту крестьянин второй половины XIX века // Вопросы истории. — 2000 - №11-12. — С. 102.
- ²² НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6901. Л. 555 об.
- ²³ Там же. Л. 555 — 555 об.
- ²⁴ Киселева М. В. Хозяйство и положение бывших государственных крестьян Пензенской губернии в пореформенный период (60 — 90 е гг. XIX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. — С. 106.
- ²⁵ Марискин О. И. Указ. соч. С. 42, 49 — 50, 81.
- ²⁶ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. Отд. 2. №43888. Ст. 1 — 3.
- ²⁷ Смыков Ю. И. Указ. соч. С. 137 — 138.
- ²⁸ ПСЗРИ. Собр. 2. Том. 41. Отд. 2. №43888. Ст. 3.
- ²⁹ Смыков Ю. И. Указ. соч. — С. 138-139.
- ³⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2888. Л. 374.
- ³¹ Общее положение о крестьянах. Изд. 1902 г. // Свод законов Российской Империи. Т. IX. Ст. 360, 361.
- ³² Марискин О. И. Указ. соч. С. 111.
- ³³ Загидуллин И. К. Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60 — 90-е гг.): Дисс. канд. ист. наук. — Казань, 1992. — С. 80.
- ³⁴ НА РТ. Ф. 390, оп. 1, д. 505, лл. 13 — 14.
- ³⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. // Свод законов Российской Империи. Том XV. С. 31. Ст. 273.
- ³⁶ НА РТ. Ф. 390, оп. 1, д. 505, лл. 13 об. — 14.
- ³⁷ НА РТ. Ф. 41, оп. 2, д. 5279, лл. 2 — 3 об., 10 — 11 об., 63 об — 64.
- ³⁸ Загидуллин И. К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. — Казань, 2000. — С. 102.
- ³⁹ Загидуллин И. К. Татарские крестьяне Казанской губернии... С. 42.
- ⁴⁰ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 3315, лл. 376, 503 — 505.
- ⁴¹ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 248, лл. 11 — 11 об.
- ⁴² НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 9858. Л. 11 — 11 об.
- ⁴³ Там же. Л. 11 об.

- ⁴⁴ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д.1555, лл.135 – 136.
- ⁴⁵ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 690, лл. 556, 552 об.
- ⁴⁶ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 690, лл.533 об. 554.
- ⁴⁷ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 2888, л. 883 об.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 13. №11035. Ст. 1. Пп. 4 – 6.
- ⁵⁰ НА РТ. Ф.1, оп.3, д. 9858, л. 15 – 16.
- ⁵¹ *Марискин О. И.* Указ. соч. С. 74, 79 – 80.
- ⁵² НА РТ. Ф.1, оп.3, д. 9858, 812, л. 33.
- ⁵³ Там же. Л. 33.
- ⁵⁴ Там же. Л.33.
- ⁵⁵ Там же. Л. 33 об.
- ⁵⁶ НА РТ. Ф.1, оп.3, д. 2887, л. 109.
- ⁵⁷ НА РТ. Ф.390, оп. 1, д. 416, лл. 3, 3 об.
- ⁵⁸ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.3315, л. 487.
- ⁵⁹ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.6901, лл. 161 об.
- ⁶⁰ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.8898, лл. 384 об.–385, 402–403 об., 405, 410 об.
- ⁶¹ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.6901, л. 554 об.
- ⁶² Свод важнейших постановлений уездных земских собраний Казанской губернии XXI очередной сессии 1885 года. Издание Казанской губернской земской управы. – Казань, 1886. – С. 35.
- ⁶³ НА РТ. Ф.1, оп.3, д.3315, лл. 273 – 273 об.
- ⁶⁴ НА РТ. Ф.1, оп.3, д.2890, лл. 4 – 5.
- ⁶⁵ НА РТ. Ф.1, оп.3, д.6901, лл. 558 – 558 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 558.
- ⁶⁷ Там же. Л.558 об.
- ⁶⁸ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.2887, лл. 91 об., 111.
- ⁶⁹ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.9858, л. 12.
- ⁷⁰ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.8898, л. 497 – 498.
- ⁷¹ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.3315, лл. 511, 519.
- ⁷² НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.3315, лл. 148 – 148 об.
- ⁷³ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.3316, лл. 45 – 46, 49.
- ⁷⁴ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.2888, л. 525 – 525 об.
- ⁷⁵ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.7117, лл. 293 – 296.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. // Свод законов Российской Империи. Том XV. Ст. 354.
- ⁷⁸ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 7117, лл. 93 – 94 об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 119 – 119 об.
- ⁸⁰ Общее положение о крестьянах. Ст. 6. Прил. П. 3.
- ⁸¹ *Загидуллин И.К.* Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60 – 90-е гг.). С. 67, 80.
- ⁸² НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 6901, лл. 553 об. – 557.

Аннотация

В статье рассматриваются система сбора налогов с крестьян, действовавшая в пореформенный период, взаимоотношения общины и властей на этой стезе, пути решения проблемы с уплатой налогов и недоимок крестьян в татарских поземельных общинах.

Ключевые слова: татарские крестьянские общины, сельский староста, недоимки, фискальный гнет, неурожайные годы, платежеспособность крестьянского хозяйства, пореформенный период, распродажа имущества.

Summary

The article is about the system of tax collection from the peasants in the post-reform period, interrelations of the community and the authorities on this path, the ways of solution of the problems of discharge of tax and arrears among peasants in Tatar land communities.